

Анна Соколова

Elena Kochetkova. The Green Power of Socialism: Wood, Forest, and the Making of Soviet Industrially Embedded Ecology. Cambridge, MA: MIT Press, 2024. 258 pp. ISBN 9780262547451.

Анна Соколова, Центр социальной и экономической истории, Университет Остравы, Чехия. anna.sokolova@osu.cz.

This review has been produced with the financial support of the European Union under the REFRESH – Research Excellence for Region Sustainability and High-Tech Industries (project number CZ.10.03.01/00/22_003/0000048) via the Operational Programme Just Transition.

Книга Елены Кочетковой «The Green Power of Socialism: Wood, Forest, and the Making of Soviet Industrially Embedded Ecology» находится в одном ряду с другими важными работами последних лет, посвященными разным видениям экологизма в Советском Союзе. Во многом она продолжает начатый ранее Стивеном Брейном, Энди Бруно (Brain 2011; Bruno 2016) и другими исследователями разговор о том, как в советском дискурсе и практике сочетались жесткий экстрактивный подход к природе как кладовой ресурсов и особое экологическое видение. Обращаясь к дискурсам специалистов в лесном хозяйстве, Кочеткова ставит задачу переосмыслить наше понимание связей государственного социализма и природы, показать, как экономика переплетается с природой. При этом, в отличие от многих других исследований, в фокусе внимания в работе Кочетковой находятся не экологический активизм и охрана природы, а собственно лесная индустрия и ее дискурсы – то, как промышленники видели прошлое и будущее лесопользования в свете отношений между промышленностью и природой.

Книга построена вокруг тех дискурсов, которые производили внутри индустрии страх перед перспективой нехватки древесины и того, как различные специалисты внутри лесной промышленности пытались примирить природу, технологии и промышленное производство, стремясь производить современную продукцию и не допуская при этом истощения промышленных лесов (с. xxii). Это стремление найти компромисс с природой и ее истощающимися ресурсами в интересах промышленности привело к ориентации специалистов на природу, или к тому, что в этой книге названо *индустриально встроенной экологией* (industrially embedded ecology) советского государственного социализма (с. xxv).

Книга состоит из введения, пяти глав и заключения. Первая глава – «Alarm over the Forest» – задает общий фон исследования. Здесь автор показывает, как экстенсивный и истощающий подход к заготовкам леса в послевоенном СССР привел к значительному обезлесению основных лесозаготовительных районов, истощению ресурсной базы ранее созданных леспромпхозов и, как следствие, к появлению среди специалистов в лесной промышленности алармистских настроений в преддверии неминуемого сырьевого кризиса. Ощущение кризиса вытекало из ожиданий нехватки древесины в контексте растущего экономического спроса, с

одной стороны, и экстенсивных и расточительных лесозаготовок – с другой. Именно этот алармизм, направленный не на угрозу природе как таковую, а на грядущие проблемы в сырьевом снабжении лесной индустрии, привел, по мнению автора, к появлению нового экологического видения, которое Кочеткова называет *industrially embedded ecology*. В последующих главах на примере нескольких проектов, альтернативных традиционному экстрактивному лесопользованию в северо-западном регионе, автор показывает, как страх перед истощением основного ресурса, новое экологическое видение и стремление овладеть технологиями формировали новые направления развития индустрии и как раз за разом они оказывались неэффективны.

Вторая глава – «The Industry Expands into Siberia and the Far East» – описывает попытку перенести основные лесозаготовительные мощности из истощенных северо-западных регионов в Сибирь и на Дальний Восток. Как показывает Кочеткова, перенос основного массива лесозаготовок в Сибирь был частью большой кампании по колонизации Сибири и Дальнего Востока, включавшей также и освоение целинных земель. Однако серьезной проблемой стало то, что большая часть лесных богатств располагалась далеко от индустриальных центров и транспортных путей, в первую очередь – железных дорог. Проект переноса лесозаготовок в неосвоенные таежные леса Сибири выглядел как спасительная альтернатива истощающим рубкам в европейской части СССР, однако при его практическом воплощении стало очевидно, что затраты на реализацию (в особенности на строительство транспортных сетей) в значительной степени недооценены планировщиками. В качестве возможного пути решения этой проблемы специалисты предлагают создание территориальных промышленных комплексов (ТПК) – промышленных гигантов, таких как Братский или Усть-Илимский ТПК, – совмещающих предприятия по заготовке леса, а также его первичной переработке и производству продукции из него. Однако, как показывает Кочеткова, вследствие крайне непродуманного экономического планирования весь проект переноса основной доли лесозаготовок в Сибирь и на Дальний Восток не был успешным. Стоимость заготовленной там древесины с учетом строительства разветвленной инфраструктуры оказалась неоправданно высокой, а сами предприятия – нерентабельными. Кроме того, только после начала лесозаготовок выяснилось, что леса во вновь осваиваемых регионах состоят из непригодных к переработке сортов деревьев. Многие новые леспромхозы остались без ресурсной базы и/или не были обеспечены логистической инфраструктурой. В результате предприятия не достигали проектной мощности, и весь проект переноса лесозаготовок не привел к серьезному снижению промышленного давления на леса европейского Северо-Запада.

Третья глава – «The Quest for a No-Waste Economy» – посвящена тому, как в ответ на предвосхищающие грядущий сырьевой кризис алармистские настроения в среде специалистов лесной промышленности возникает дискурс комплексного и рационального использования ресурсов. Угроза потери ресурсной базы лесной промышленности в результате истощения лесов привела к поискам путей экономии сырья, а также к поискам альтернативного сырья, которое могло бы заменить строевой лес в производственных цепочках, а следовательно, снизить стоимость

итоговой продукции. В качестве такого альтернативного сырья для производства бумаги и картона специалисты предлагали использовать макулатуру, для производства древесного пластика, синтетических тканей (вискозы) и композитных строительных материалов (древесно-стружечного полотна, арболита) – промышленные отходы, остающиеся после заготовки и распиловки древесины (то есть древесные материалы, оставленные в качестве отходов на лесосеках и промышленных предприятиях), а также однолетние растения (чему отдельно посвящена четвертая глава книги). Как и в случае с проектом создания ТПК, новые теоретические подходы одних специалистов не были подкреплены достаточно точными практическими расчетами других. В итоге и при переработке макулатуры, и при переработке производственного мусора не были достигнуты запланированные результаты. Во многом это было связано с отсутствием необходимой инфраструктуры и уровня механизации производства. Как отмечает Кочеткова, «использование отходов, таким образом, оставалось скорее предметом промышленного дискурса, чем практической реальностью, и вызывало резкую критику советской заготовки и переработки древесины среди многих специалистов» (с. 92). При этом она отмечает, что само появление новых дискурсов означало «важный переход от точки зрения, которая понимала ценность леса как чисто экономическую, к той, которая подчеркивала более высокую степень экологии в промышленности» (с. 101).

Четвертая глава – «Reed Becomes Wood Value» – продолжает тему поисков нового сырья, альтернативы древесине. В этой главе обсуждается проект использования однолетних растений – и в первую очередь тростника¹ – как сырья для производства бумаги в южных регионах СССР (Украине, Астраханской области, Казахстане), где вследствие истощения ресурсной базы использование древесины для производства целлюлозы было невозможно. Проект, родившийся изнутри экологического дискурса, направленного на сохранение лесов, оказался губителен для камыша. Несмотря на все попытки, индустрия не смогла создать легкую уборочную технику, не повреждающую нежные корни растений, и площади тростниковых зарослей стремительно сокращались. Как и в предыдущих случаях, расчеты специалистов не оправдались, поскольку заготовка и переработка тростника требовала больших инфраструктурных вложений, делавших строительство новых заводов нерентабельным. Для сохранения зарослей тростника заготовителям приходилось собирать его вручную, однако так невозможно было заготовить нужные объемы сырья. В результате только что построенные заводы по производству бумаги из дешевого тростника остались без сырья и были вынуждены закупать дорогую древесину в северных регионах СССР, оплачивать ее транспортировку и перевозить, увеличивая нагрузку на и без того перегруженные транспортные сети. Эта глава книги остро ставит вопрос о роли различных специалистов в процессе принятия решений, а также о разнообразии специалистов и компетенциях. Размышляя о причинах провала «камышового проекта», Кочеткова говорит преи-

¹ Речь о тростнике обыкновенном (лат. *Phragmites*). В советских источниках и повседневной речи это растение часто ошибочно называют камышом.

мущественно о волюнтаризме Никиты Хрущева, который настоял на строительстве заводов вопреки скептическому мнению председателя Госплана Алексея Косыгина и некоторых специалистов из области лесной промышленности. Приводимые в главе свидетельства показывают более сложную картину, демонстрирующую внутренние противоречия, неоднородность точек зрения и дискурсов. Порой при чтении главы возникает ощущение, что специалисты были лучше знакомы с опытом западных коллег, с которыми их диалог был более интенсивным, чем даже обсуждение между собой. В конечном счете это не могло не сказаться на качестве реализации проекта.

Пятая глава – «The Prestige of Modern Technologies» – рассказывает о проблемах модернизации лесной индустрии. С точки зрения специалистов, модернизация технологий заготовки и переработки леса должна была сократить издержки, количество отходов и, следовательно, предотвратить тотальное истощение лесов. При этом речь шла как о механизации заготовок, так и о принципиально новых технологиях, в первую очередь – связанных с лесохимией. Использование новых технологий должно было внести серьезный вклад в развитие потребительского сектора, включая производство разных сортов бумаги и другой бытовой продукции, в изготовлении которой используется целлюлоза. Однако, как показывает автор, стремление к модернизации производства, основанное на передовом западном опыте, хотя и имело довольно серьезные результаты, так никогда и не достигло заявленных целей. Несмотря на все усилия, производство высокотехнологичной продукции деревопереработки (бумаги, упаковки, фанеры и синтетических тканей) в расчете на душу населения в СССР все еще было на порядок ниже, чем в США и других странах (хотя и выросло с 1940 по 1980 год в несколько раз) (с. 138–139). Аналогичным образом уровень механизации работ в лесной промышленности вплоть до 1989 года все же не превышал 40% (с. 154).

Книга Кочетковой дает новый и интересный взгляд как на лесозаготовительную индустрию, так и на особенности советского экологического видения. В то же время, помимо заявленной экологической темы, которая несколько теряется в огромном массиве материала, книга является потрясающим источником для историков экономической мысли и советских политик управления, поскольку показывает наглядно, насколько хаотичными были действия и запросы специалистов. Все это вполне предсказуемо показывает крайне низкую роль и ответственность специалистов в процессе принятия решений, а также то, насколько плохо был организован диалог между ними. Сфокусировав свое внимание преимущественно на внутреннем дискурсе специалистов-инженеров лесной промышленности, публиковавших свои работы в журналах «Лесная промышленность», «Мастер леса» и некоторых других, автор оставляет в стороне вопрос разграничения собственно дискурса и практической роли специалистов в процессе принятия решений. К сожалению, книга не имеет ни отдельного библиографического списка, благодаря которому читателю было бы проще понять весь комплекс источников, историографию темы, ни самостоятельного раздела, описывающего источники, что существенно затрудняет возможности читателей оценить источниковую базу исследования. Отчасти это связано с тем, что автор не очерчивает детально круг специалистов,

идеям которых посвящена эта книга. Их роли смазаны, но именно из-за несогласованности ролей происходят многочисленные сбои и поломки в рассматриваемых инновационных проектах. Очевидно, что среди forestry specialists, как называет их автор, были и специалисты по лесозаготовительной технике, и специалисты по организации лесозаготовительных работ, и специалисты по лесовосстановлению, и специалисты по организации труда и быта рабочих, и специалисты-экономисты и планировщики. Всё это – сотрудники различных специальностей, компетенции которых предполагают весьма различную сферу для экспертизы, стратегическое видение лесозаготовок, разный уровень ответственности. Различные группы специалистов имели существенные отличия в агентности и роли в принятии решений, хотя и формировали общий дискурс экологической обеспокоенности.

Поскольку случаи, разобранные в книге, преимущественно связаны с нестыковками и ошибками планирования (казалось, что такой-то инновационный подход к производству поможет решить проблему истощения ресурсов, но издержки, вложения и общая стоимость создания нового производственного кластера не были подсчитаны), то для более глубокого понимания той реальности, которую описывает автор, необходимо понимать, как вообще дискурсы одних специалистов (не) пересекались с дискурсами других? Что писали специалисты о проблемах нестыковки производственных планов и неудовлетворительной экономической экспертизы? Как получалось так, что год от года разные специалисты называли разные цифры и, по-видимому, ничто из названного не соответствовало реальности?

Основным вопросом, который повисает в воздухе, является взаимодействие специалистов, которые предлагали инновационные решения, и специалистов-экономистов, которые подсчитывали рентабельность тех или иных решений. Из текста не всегда понятно, о ком из них идет речь в конкретных эпизодах. Так, например, автор подробно описывает причины провала проекта переноса лесозаготовок в Сибирь и на Дальний Восток, связанного прежде всего с плохими экономическими расчетами, которые не включали издержек на создание инфраструктуры. При этом, приводя по сути аналогичные расчеты относительно эффективности переработки отходов, автор никак не комментирует их экономическую сторону, и у читателя неизбежно встает вопрос: почему одни расчеты свидетельствуют о большом потенциале предлагаемых проектов, и только плохое оснащение предприятий препятствует успеху, а другие – нет. И если в случае с использованием макулатуры основной проблемой стало плохое качество сырья, почему и какие именно специалисты не подумали об ограничениях и особенностях инновационного решения – о том, что макулатура должна быть определенного качества – и не заложили эти данные в смету? В отдельных местах это приводит к явным противоречиям. Так, на странице 129, объясняя провал проекта производства бумаги из камыша, автор отмечает, что причиной был «разрыв между профессиональными ожиданиями специалистов и инфраструктурными ограничениями». Однако выше, на страницах 121–122, автор показывает, как плановые и экономические институты игнорировали соображения «лесных» специалистов о сомнительных перспек-

тивах переработки тростника из-за неустойчивости сырьевой базы. Вероятно, если бы рассмотренные в книге случаи были более четко представлены как (не всегда продуктивный) диалог разных типов специалистов изнутри их профессиональных интересов и дискурсов, мы смогли бы больше понять и о процессах принятия решений внутри советской индустрии, и о встроенном в нее экологизме.

Книга Елены Кочетковой – содержательное и качественное исследование малоизученной внутренней механики советского лесного сектора. Представляя информативный и детальный срез управленческих и экологических политик позднего СССР, она станет значительным вкладом как в экологическую, так и в социальную и экономическую историю советского периода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Brain, Stephen. 2011. *Song of the Forest: Russian Forestry and Stalinist Environmentalism, 1905–1953*. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press.
- Bruno, Andy. 2016. *The Nature of Soviet Power: An Arctic Environmental History*. New York: Cambridge University Press.